

8. НАДЗИРАТЕЛЬ ЗА ПОСТРОЙКОЙ (ХРАНИТЕЛЬ ЗДАНИЯ)

В этом градусе вы усвоили тот огромной важности урок, что никто не имеет морального права продвинуться вверх по лестнице градусов Древнего и Принятого Шотландского Устава, если не усвоил в теории и на практике масонское учение и систему правосудия. Градусы данного Устава предназначены не для тех, кто удовлетворяется одними лишь церемониями и не ищет возможности углубиться в каверны скрытой мудрости, таящиеся под поверхностью Учения. Вы все еще на подступах к Свету, к звезде, мерцающей в отдалении, которая есть эмблема Божественной Истины, дарованной Господом первым из людей и сохраненной сквозь все перипетии тысячелетий в традициях и учении масонства. Как далеко вы продвинетесь на этом пути, зависит от вас и только от вас. Здесь, как и везде в мире, Тьма борется со Светом и тучи и тени стремятся встать между вами и Истиной.

Когда вы пропитаетесь нравственностью масонства, которой вы сейчас уделяете много времени и внимания и, надеюсь, будете уделять и в будущем, когда вы научитесь всем вышеуказанным добродетелям, когда они станут такими же привычными для вас, как родные пенаты, — тогда и только тогда получите вы возможность воспринять его высокие философские откровения и осознать те высоты, на которых пребывают Свет и Истина. Люди шаг за шагом приближаются к Совершенству, и каждый масонский градус есть шаг на этом пути. Каждый из них есть наука особого долга; и в этом градусе вас учат милосердию и щедрости, учат быть для своего ближнего образцами добродетели, исправлять свои собственные ошибки, пытаться исправить ошибки своих братьев.

Здесь, как и во всех прочих градусах, вы встречаетесь с новыми эмблемами и Именами Бога, познать истинную природу и истинные свойства Которого всегда было первостепенной задачей масонства. Восхвалять Его беспредельные Благо и Величие, возлагать надежды на Его Провидение, почитать Его и простираться пред Ним как пред Великим Архитектором, Творцом и Законодателем Вселенной, — вот одна из главнейших масонских заповедей.

Рукоплекание этого градуса и те пять путешествий, которые вы совершили по ложе, воплощают пять «точек братства» и, по идее, должны заставить вас живо вспомнить о них. Прийти в жилище брата даже босиком и даже по грязному полу, помнить о нем, взывая к Богу; прижать его к сердцу и защитить от злонамеренного поступка и недоброго слова; поддержать его, если он готов споткнуться и упасть; дать ему мудрый, честный и дружеский совет, — эти наши обязанности просто и ясно записаны на страницах Господнего Закона и в основных документах масонства.

Первый знак данного градуса означает ту скромность и то опасение, с которыми мы приступаем к изучению природы Божественных свойств; второй — священный ужас и почтение, которые мы оказываем Ему во Славе Его; третий — горе, с которым мы взираем на то, насколько переменчивы мы были в исполнении своих обязательств и насколько непрележно исполняли мы Его предначертания.

Отличительной чертой человека является поиск истины и

следование ей. Значит, когда мы освобождаемся от своих повседневных забот и трудов, мы всегда стремимся что - то увидеть, услышать, узнать; мы полагаем знание природы вещей, чудесных или ужасных, незаменимым средством счастливой жизни. Истина, простота и прямота в наибольшей степени согласуются с человеческой природой. Всякая добродетель состоит либо в пронизательности и умении постигать Истину, либо в сохранении человеческого общества, которое достигается путем распределения обязанностей между его членами и наблюдения за соблюдением честности в их отношениях между собой, либо в величии и твердости возвышенного и независимого разума, либо в соблюдении порядка и регулярности во всех наших помышлениях и всех наших действиях, а все это, вместе взятое, составляет Умеренность и Терпимость.

Во все времена масонство набожно хранило просвещенную веру, из которой проистекают высшая Преданность, чувство братства, чреватое плодами добрых деяний, дух всепрощения и мира, добрых надежд и праведных увещаний, равно как и твердость в принятии решений по самым неприятным и болезненным вопросам. Оно всегда проповедовало ее настойчиво и убежденно; поэтому в наши дни оно трудится еще более усердно, чем всегда. Вряд ли существует хотя бы одна масонская церемония, которая всячески бы не подчеркивала это, в особенности принимая во внимание два составляющих принципа любой религии, два принципа, которые создают любую религию: любовь к Богу и любовь к своему ближнему. Масоны вселяют веру в эти принципы в сердца членов своих семей и общества в целом. В то время как сектанты прошлого лишь ослабляли религиозный дух, масонство, создавая единый народ из жителей всего земного шара, выступает под великим стягом Милосердия и Доброй Воли, сохраняет это религиозное чувство, усиливает его, распространяет его в тех его простоте и чистоте, в которых оно всегда пребывало в сердцах человеческих, где оно пребывало еще во времена древнейших суеверий язычества, когда грубейшие и жесточайшие предубеждения мешали его признанию.

Масонская ложа должна быть похожа на пчелиный улей, в котором все члены сообщества работают ради достижения общего для них блага. Масонство создано не для холодных сердец и расчетливых умов, которым недоступно понимание его возвышенной миссии и высшего, апостольского предназначения. Именно здесь давайте вспомним о проклятии равнодушных. Умиротворять претерпевших страдания, распространять Знание, учить всему, что есть истинного и чистого в религии или философии, убеждать людей чтить порядок и прерогативы, даруемые правом на жизнь, указывать путь к истинному счастью, готовить мир к тому времени, когда все ячейки общечеловеческой Семьи, объединенные узами терпимости и братства, станут единым целым, — вот достойные области применения наших трудолюбия и рвения.

Сейчас мы не будем распространять эти мысли или делать из них выводы. Мы просто упоминаем их как своего рода намеки, насчет которых вы вольны поразмыслить в часы своего досуга. Если же вы последуете дальше по масонскому Пути, они распространятся, углубятся и приобретут для вас новое значение.

Масонство не склонно к непрактичным и ни с чем иным не соотносимым предрассудкам: оно вовсе не придает им никакого значения. Оно не требует от своих посвященных ничего из того, что они

не в состоянии с легкостью сделать. Его учение исключительно практично; его статуты легки для понимания и претворения в жизнь любым справедливым, честным и доблестным человеком вне зависимости от его вероисповедания и конфессии. Его цель — добиться максимального практического блага без попыток сделать человека совершенным. Оно не вмешивается в дела религии, не старается проникнуть в таинство возрождения. Оно учит Истинам, начертанным Господним перстом в сердце человека, взглядам на долг, которые родились в умах стремящихся к Знанию, были подтверждены верностью благих и мудрых и отлиты, точно драгоценная монета, в ответе на них любого неиспорченного сознания. Оно не догматизирует и даже не пытается представить догматическую определенность достижимой.

Масонство не стремится переkreить под себя этот мир с его поразительной красотой, его удивительными тайнами, его славными трудами и праведными и святыми влечениями; оно не стремится также исключить себя из этой жизни, отвратиться от нее в сердце своем как от жизни пустой, неверной и недостойной, а вместо этого обратить взор к Небесам как к единственной сфере, достойной любви любящих и размышлений мыслящих. Масонство учит тому, что человек должен выполнить на этой Земле свой священный долг и быть верным своей достойной судьбе, что этот мир — не только ворота в мир иной, что эта жизнь — пусть она и не единственная, — именно та жизнь, прожить которую нам суждено в этом мире, и по ней нас будут судить в мире по ту сторону; что настоящее — это наше поле действия, а будущее — поле размышлений и веры; что человек был послан на эту Землю для того, чтобы жить на ней, любить ее, наслаждаться ею, изучать ее, способствовать ее процветанию, извлекать из нее все, что только можно. Именно на благо своей страны должен он употребить всю свою любовь и все знания. Именно здесь он может на все оказать влияние. Это его дом, а не временный шалаш; это его дом, а не просто школа. Он послан в этот мир не для того, чтобы только и делать, что мечтать о другом мире, ждать его и жаждать, готовиться к нему, но для того, чтобы выполнить здесь возложенный на него долг и свое предназначение, чтобы сделать все, что в его силах для того, чтобы превратить этот мир в мир возвышенного счастья для себя, для всех вокруг себя, для всех, кто придет после него. Его жизнь здесь — это часть его бессмертия; а этот мир, так же, как и другие, парит среди звезд.

И таким только образом, как учит нас масонство, приуготовляется человек к будущему, на которое надеется. Незримое не может быть предметом наших привязанностей в большей степени, чем зримое и знакомое. Законом нашего бытия должны стать любовь к жизни, ее влечениям и красотам, любовь к миру, в котором наш жребий брошен, единение с влечениями и привязанностями Земли. Это закон не чувственной любви, не любви к богатству, славе или легкости бытия, или силе, или величию. Это не низкое «мирское», это любовь к Земле, на которой Творец разбил чудесный в своей красе сад, к Земле как дому человечества, арене его конфликтов, сцене, где протекает его бесконечный прогресс, дому, где живут самые мудрые, любящие и заботливые его представители, месту, где проходит его развитие через грех, страдание и горе, истоку самых достойных страстей, самых возвышенных добродетелей и нежнейших привязанностей.

Бесплодными навечно обречены быть все труды тех, кто тщится убедить людей в том, что им следует всячески презирать этот мир и все то, что в нем есть, при условии, что сами они живут в нем. Господь не для того создавал этот мир, обустроивал его и украшал всем тем, что в нем теперь есть, чтобы те, кто был создан Им для того, чтобы жить в этом мире, ненавидели и презирали его. Достаточно будет, если они не будут его любить чрезмерно. Бесплезно стремиться искоренить все привязанности и страсти, которые вечно будут неотделимы от человеческой природы. Сколько бы ни было суждено жизненного срока этому миру, вечно почитающему честь, добродетель и трудолюбие, он всегда будет будить в лучших и достойнейших своих людях и страсти, и амбиции, и привязанности; а если бы так не было, грех, варварство и пороки охватили бы все нации мира, то есть гораздо больше людей, чем сейчас.

Лишь те, кто глубоко заинтересован судьбами этого мира, кто исполнен к нему любви, могут трудиться во имя его усовершенствования. Те же, кто недооценивает эту жизнь, все чаще и глубже огорчаются и разочаровываются, что естественно, но при этом они также теряют интерес к жизни своего ближнего. Напротив, чтобы служить своим ближним — ведь таково наше предназначение как масонов, — мы должны осознавать, что цель стоит затраченных на ее достижение средств; мы должны также радоваться этому миру, в который мы были помещены Господом, пока Он не позволил нам переселиться в лучший. Он Сам здесь, с нами, и отнюдь не считает этот мир недостойным.

Это очень серьезно — осуждать и порицать весь мир, говорить о нем как об обиталище бедной, в поте лица своего добывающей хлеб свой, суеверной, невежественной, отвратительной расы. Вы, например, ни в коем случае не сказали бы такого о своей семье, круге своих друзей, своей деревне, своем городе, своей стране... Мир не грешен и не бесполезен; это не проклятие, не несчастье — жить в этом мире; и стоит быть благодарным за то, что ты — человек. Если не имеет смысла жизнь, бессмысленно и бессмертие.

В самом сообществе, в этом живом механизме человеческих взаимоотношений, которые распространяются на весь мир, существует некая внутренняя, более тонкая эссенция, некий мотор, который движет им не менее эффективно, чем любая другая энергия, сила тяжести или центробежная сила, например, которая заставляет бегать самодвижущийся экипаж. Человеческая машина мечется взад - вперед по Земле, выставляет руки во все стороны, чтобы дать начало труду, торговле, бесчисленному количеству прочих предприятий и работ; и почти всегда мотив, движущий ею, — это нечто, одновременно овладевающее и сферой привязанностей, удобств, и надеждами всего общественного бытия. Правда, этот механизм зачастую работает с большим трудом, а от перенапряжения скрипит и дает сбой. И точно так же сущность благого побуждения, смешиваясь с прочими, более грубыми и низменными, компонентами, зачастую начинает буксовать, реветь, тормозить и наконец делать совершенно невозможным дальнейшее вершение справедливого делания в общественной жизни. Однако как назвать благодарным или мудрым того, кто смотрит на жизнь глазами циника и таким образом теряет всю тонкую сущность самой жизни, не замечая ее за внешними наслоениями и искажениями? Дабы быть способными стать другом, дабы иметь возможность занять друзей, пусть и единственного друга в целом мире,

ради одного этого единственного счастливейшего приобретения, мы должны научиться преодолевать все страдания этого мира и этого общества. Дабы было у нас в мире такое место как дом, убежище и святилище, замкнутое в четырех стенах, наш последний оплот простых и вечных радостей покоя и защищенности, нам стоит побороться со всеми лишениями этого мира. Дабы быть людьми верными, общественными, способными свободно высказывать свои мысли среди всех противоречий и различий во мнениях окружающих, мы должны признать, что этот фактор внутренней свободы превышает всех внешних факторов, которые только могут появиться.

Во внешних проявлениях и действиях общественной жизни, зачастую отвратительных и раздражающих, мы иногда теряем ощущение ее внутренней святости и благословенности. А ведь в Природе истинная красота содержится не в грубом и осязаемом, не в почве и дождях, даже не в цветах и полях, а в незримом духе мудрости и красоты, пронизывающим ее всю; так и в обществе – именно невидимое, неосязаемое и есть самое прекрасное в нем.

Что придает силы руке труженика? Если бы человек счел, что он один – одинешенек в этом мире, он тут же бросил бы лопату или топор и опрометью бросился бы в пустыню, или же носился бы по всему миру подобно опустошительному смерчу, создавая пустыню повсюду, где бы пробегал. А между тем его дом, который он посещает, может быть, всего лишь пару раз за день, является нерушимой связью его с окружающим миром. Именно добрая, крепкая и достойная вера людей друг в друга придает самый возвышенный характер любому предприятию и начинанию в торговле, коммерции, вообще в любом деле. Конечно, можно встретить и обман, и подлог, но это скорее исключение, чем правило. А вот честность – правило; и все обманы и подлоги этого мира не могут разорвать извечную связь человеческого доверия. Будь все иначе, коммерция давно бы свернула свои паруса в нашем житейском море и все города мира давно лежали бы в руинах. Ведь вы же считаете характер и положение человека, который живет на другом краю света, которого вы никогда в жизни не видели и которого никогда в жизни не увидите, достаточным основанием для выдачи ему кредита в несколько тысяч. Самая поразительная черта политического устройства мира – это не правительства, не Конституции, не законы, не их исполнение, не судебная власть, не полиция, а вселенское стремление людей быть управляемыми общественным договором. Уберите это условие – и все правительства мира падут через минуту.

Из всего многообразия учений масонства самым важным является то положение, что ни в коем случае не следует принижать значение этой жизни. Это не значит, что, размышляя о судьбе, уготованной человеку на этой земле, мы должны орошать слезной росой его колыбель; но, подобно древним евреям, мы приветствуем рождение человека, полагая его величайшим праздником.

Мы не должны испытывать жалость к тем, кто утверждает, что познал жизнь и увидел, что она ничего не стоит, кто со всей уверенностью истово голосит, что она скорее ужасна, нежели прекрасна, ибо подобные утверждения чаще всего ложны и легко опровергаются: просто такие люди обычно разорвали дружеские связи, или друзья их умерли, внешние радости для них поблекли, их никто не восхваляет, все жизненные пути

кажутся проторенными, давно знакомыми и скучными.

Масонство отнюдь не полагает высокой набожностью и верностью Господу пренебрежение, даже презрение к тому состоянию, которое Он предназначил для нас. Масонство никогда не проповедовало абсурдное сравнение или даже противопоставление этого мира Миру иному. Оно рассматривает эти два мира как части одного единого целого. Оно утверждает, что человек в одно и то же время может достигнуть всего наилучшего и в этом мире, и в том. Оно учит своих посвященных ни в коем случае не преувеличивая значение иных судеб и деяний, предначертанных Богом, принижая при этом смысл собственного существования и собственные деяния. Оно смотрит на жизнь как на время, ни в коем случае не потраченное впустую; на свои дела – как на дела, вполне достойные бессмертного существа; оно не советует своим последователям вложить в ножны оружие, потому, якобы, что они недостойны сопротивления своей изменной судьбе и стремления ее изменить; наоборот, оно трезво и радостно взирает на мир как на театр достойных деяний, возвышенной пользы и разумных и невинных радостей.

Масонство учит тому, что жизнь, несмотря на все зло, встречающееся в ней, это благословение Господне. Отрицать это – значит, разрушать основу любой природной религии Откровения. Основание любой религии составляет твердое убеждение в том, что Бог есть благо; а если эта жизнь есть проклятие и зло, то такого основания никак не может быть.

Уравнивать известную нам и часто встречающуюся злую карикатуру на человечество и человеческий опыт в целом, считать поэтому человечество порочным и достойным презрения, рассматривать этот мир как обиталище неприглядного и презренного рода живых существ, которое можно только презирать или высмеивать, полагать эту Землю темницей, в которой нельзя обрести благословение и из которой можно только в ужасе бежать, – значит, искоренять исконный свет веры, надежды и счастья, уничтожать основание религии, а ведь основание Истины – в благе Бога. Если бы все это было действительно так, как мы временами полагаем, не имело бы смысла рассуждать о том, что есть истина, а что – ложь; вообще рассуждать становится бессмысленно, равно как и веровать; и все относящееся к высшему человеческому существу и его внутренней природе оказывается погребенным в мизантропии, меланхолии и отчаянии.

Наша любовь к жизни, упорство, с которым мы в печали и радости сохраняем ее, наша привязанность к своему дому, к месту, в котором мы родились и на стенах которого начертаны летописи всех дней нашей жизни – каким бы неприглядным, опустошенным и запущенным он бы нам ни казался, свидетельствуют о том, насколько мы ощущаем себя частями нашего рода и людского общества вообще. Отчаяние всегда сильнее задевает наши души, чем счастье: ведь первое, в отличие от второго, не имеет корней в нашем сознании, оно нам подсознательно непривычно, поэтому мы так остро ощущаем его присутствие в нашей жизни. Счастье живет внутри нас, и мы забываем о нем. Оно не волнует нас, ничем не нарушает привычный ход и порядок наших мыслей. Сильное потрясение немедленно становится в нашей жизни целой эпохой. Мы помним все наши потрясения, как не можем мы забыть пережитые землетрясение или бурю. Они просто являются непривычными

состояниями окружающего мира. Это ужасные события, которые врезаются в память именно в силу своей необычности, в то время как периоды спокойствия и радости между ними остаются незамеченными нами. Мы помним и долго не забываем периоды горя и невзгод в нашей жизни, а многие периоды счастья и спокойствия остаются для нас незамеченными, они проходят мимо нашего внутреннего взора, мы даже не воссылаем ввысь благодарности за них. Мы мало расположены и еще менее способны вызвать из сумрачных и непознанных глубин памяти воспоминания о счастливых прошедших годах, о мирных минутах, простых чувствах, светлых мыслях, непоотревоженном отдыхе, узах сладостной привязанности, а между тем во все это время жизнь наша текла, укачивая почти ничего не замечающих нас на своей любящей груди, и нам было там так спокойно и хорошо.

Жизнь бывает не только хороша и безоблачна, но опыт миллионов подтверждает, что она может быть великолепной. Она окутана славой всех добродетелей человеческих. Ее осеняет сияние верности, преданности, милосердия и героизма; на ее челе венец тысяч мучеников. Сияние души проникает сквозь видимую и иногда мрачную жизнь, исполненную забот и трудов. Самое скромное существо никогда не теряет уверенности в своей связи с Беспредельным Истоком. В каждой слабой человеческой душе есть нечто могущественное; в каждом брэнном, преходящем теле существует частица бессмертия. Сознание бесконечно стремится вовне, во все стороны, к Вечности. Мысли, исходящие из него, проникают далеко в пространство, в бескрайние просторы, в неизмеримое, в Вечность, в недостижимое, темное, пугающее будущее и становятся реальностью спустя много лет, в другие эпохи. Познать величественного Творца этих мыслей, впитать мудрость далеких и вечных звезд, вознести ввысь благодарение, смирение и любовь к Нему – Творцу всех миров, становясь, таким образом, бессмертным, распространяя свои деяния и плоды своих размышлений на столь медленно приближающееся будущее, вот что делает жизнь человеческую достойной и славной.

Жизнь – чудеснейшее из творений Господних. Это Свет, проистекший из пустоты и тьмы; сила возникла из бессилия и инертности; Творение произошло из ничего; от противопоставления, таким образом, происходят чудеса и радость. Жизнь порождена потоком бесконечного, все преодолевающего блага; и с того самого момента, когда она появляется на свет и до того самого мига, когда она вновь соединяется с Вечностью, это благо сопутствует ей и наставляет ее на ее путях Истины. Это великий и славный дар. Радость звучит в детских голосах; радость звучит в быстрой поступи юности; глубокое удовлетворение сквозит в рассуждениях могучей зрелости; мир пронизывает тихую старость. Благо жизни сопутствует добрым, добродетель – верным, победа – отважным. Даже в самой скромной жизни существует бесконечность – для тех, чьи желания не имеют границ. В зарождении жизни мы видим благословение, в смерти надежду, в перспективах грядущего бытия – вечность. Поэтому Земля, столь многих сковывающая неразрывными цепями, для масона одновременно является и отправной точкой бытия, и надеждой на бессмертие. Многих она погребает под грудой ежедневных бытовых забот и бесполезных сует, но для масона она – возвышенное место молитв и размышлений, где Вечность, Бесконечность и Небеса постоянно окружают его и

простираются перед ним. Для возвышенных, отважных и чистых сердцем людей эта жизнь является отправной точкой на пути к Небесам и, следовательно, частью бессмертия.

Господь назначил одно лекарство от всех зол и горестей мира: умиротворение духа. Мы можем удовлетвориться и бедностью, и неудачей, если они уравновешены внутренними смирением и спокойствием. Никто не может быть нищим, если он не считает себя нищим сам, но если некто, чья удачливость не вызывает сомнений, начинает вожделеть большего и требовать этого, либо искать сам, он тем самым признается в своей нищете и становится настоящим нищим. Эта добродетель – удовлетворенность – является квинтэссенцией всей древней нравственной философии, и она по сей день является одной из наиболее полезных в нашей повседневной жизни; это единственный способ ослабить давление бремени земного бытия и жизненных неудач. Это способность разумно и осознанно соответствовать выбору Божественного Провидения, управляющего всем миром и назначающего всем нам ту или иную судьбу в соответствии с Его видами на всю Его великую всемирную Семью. Господь распределяет Свои дары так, как Ему это угодно; если мы ропщем на тот или иной наш земной удел, то кто гарантирует, что во время очередного приступа меланхолии мы не возропщем на Него за то, что Он не сотворил нас ангелами или звездами небесными?

Мы сами делаем свои судьбы плохими или хорошими; и если Господь насылает на нас тиранию, или болезнь, или общественное презрение, или падение доходов, если мы боимся смерти или не умеем быть терпеливыми, или исполнены гордыни, или чересчур скрытны, мы в большой беде. Но если мы постоянно следуем в своей жизни принципам добра и чести, боимся бесчестия гораздо больше физической смерти, полагаем нетерпимость большим злом, нежели желтая лихорадка, а гордыню – величайшим грехом и величайшей глупостью, а бедность – гораздо более предпочтительным состоянием, нежели страдания алчности, мы непременно сохраним трезвый разум и лишь улыбнемся, если Судьба повернется к нам спиной и на пути нам встретятся препятствия и неприятности.

Если ты потерял землю, не теряй же вслед за ней спокойствия; и даже если суждено тебе умереть ранее других и ранее, чем сам ты предполагал, не умирай возмущенным. Ибо не будет зла человеку, который спокоен и удовлетворен, и ничего нет хуже неразумности для человека. Никакой человек не может сделать другого человека своим рабом, если этот другой человек сперва сам не продал себя в рабство жизни и смерти, удовольствиям и боли, надежде или страху; научись управлять страстями – и ты станешь могущественнее царей парфянских¹.

Если твой враг порицает тебя, его следует считать лишь бесстрастным зеркалом твоих собственных проступков, ибо он все скажет честнее лучшего твоего друга, ему вполне можно простить его гнев и отлично воспользоваться просто и прямо сообщенными им сведениями для исправления своего поведения. Бык пашет лучше всего, когда он под

¹ Парфия – древнее царство на территории современного Ирана, существовавшее в 247 г. до н. э. – 224 г. г. э. Парфяне успешно сдерживали натиск Римской империи на восток, нанеся римлянам первое большое поражение в 53 г. до н. э. Богатство империи, в основном, проистекало из ее расположения на пересечении основных торговых путей из Азии в греко-римский мир. – Р. Х.

ярмом, и если на протяжении всей жизни злоба и зависть наших врагов заставляет натягиваться нашу символическую узду, выверяя наш путь по жизни, это гораздо лучше, чем если бы лесть заставляла нас почивать на лаврах, впад в гордыню.

Если ты потерял общественный пост, ищи убежища в тихом и достойном удалении от дел и не тешь себя мыслями о том, сколько ты мог бы еще приобрести всего во внешнем мире или насколько ты в безопасности у себя дома. Когда дует пронизывающий северный ветер и идет проливной дождь, мы же не садимся на землю и не начинаем плакать в бессильном отчаянии: мы защищаемся от непогоды теплой одеждой, ласковым пламенем костра и сухой крышей. Так же и в случае, если суровые бури житейской непогоды нарушают наш душевный покой, мы вполне можем обратиться к помощи того, что есть благо, если стремление к нему действительно сильно в нас; мы можем защититься от их беспощадных порывов и ударов уравновешенностью и терпением. И если они развили в нас терпение, позволили проявить героическую стойкость, они уже сделали достаточно для того, чтобы уравновесить все причиненные ими нам временные неудобства; именно так мудрец преодолевает предначертанный ему звездами жребий; именно так он оказывает большее влияние на собственную судьбу, чем все звезды всех созвездий небесной тверди.

Не сравнивай свое положение с положением немногих, кто стоит выше тебя, но, дабы сохранить душевное равновесие и покой, обрати свой взор на тысячи и тысячи тех, с кем бы ты никогда и ни за что по доброй воле не обменялся бы судьбой. Воин не должен считать себя неудачником, если он не так возвысился на поле брани, как Александр Македонский или Веллингтон; никто не должен считать себя несчастным, если у него меньше материальных богатств, чем у Ротшильда; пусть первый скорее возрадуется, что он не так несчастлив, как те сотни полководцев, которые позорно бежали – конно и пеше – пред натиском Наполеона, а второй – что он богаче несчастного нищего, который с непокрытой головой под ледяным зимним ветром протягивает за милостыней трясущуюся руку с дырявой шляпой. Конечно, есть такие, кто счастливее и богаче тебя, но многие тысячи беднее и несчастнее.

Даже под самыми жестокими ударами судьбы нам остается что - то хорошее в этой жизни: веселое лицо, радостное настроение, здравый смысл, Божественное Провидение, наши мечты о Небе, наше милосердие к тем, кто обидел нас, любящая супруга, множество сочувствующих друзей, из которых кто - то наверняка может развеять наши беды, свет и воздух, все красоты Природы; мы все еще можем читать, разговаривать и размышлять, а имея все эти благословенные дары, неужели мы готовы их отвергнуть, чтобы просто усесться в своем терновом венце и горевать над своей бедой?

Радуйся благу ниспосланных Господом дней и спокойно, терпеливо и достойно переноси неизбежное зло, встречающееся в них, ибо лишь этот день принадлежит нам: для вчерашнего дня мы умерли, а для завтрашнего еще не родились. Пусть круто и жестоко меняется наша судьба, но не меняется наш дух, если он всегда готов к горестям и превратностям судьбы, взирая на них несколько отстраненно, точно свысока или со стороны. Благословенные дары Господни: умеренность, осторожность, свобода и приобщенность, заслуживают того, чтобы всю

жизнь воссылать за них хвалы Всевышнему. Мы в течение жизни ежечасно спасаемся от тысяч бед, которые, случись они с нами, заставили бы позабыть об уже приключившихся с нами несчастиях и возблагодарить Бога за те тысячи бед, которые могли бы с нами случиться в будущем, но случиться им было не суждено.

Измеряй свои стремления своей судьбой и своим положением, а не свою судьбу – своими стремлениями; пусть тобой управляют нужды, а не причуды, природа – а не вредные привычки и амбициозные планы. Грех не в бедности, а в злобе и нетерпимости. Разве более велик тот огромный зверь, на пропитание которого уходят горы мяса, чем пчелка, питающаяся росой или манной и живущая тем, что ежедневно даруют ей Небеса, облака и Провидение?

Существуют такие обстоятельства, встречающиеся нам на жизненном пути, которые не терпят присутствия друг друга, и это вполне справедливое условие: случается так, что, дабы обрести одно, обязательно теряешь другое, а если стремишься обрести и то и другое сразу, теряешь и то и другое. Если предпочитаешь путь учения и познания, веди тихую и уединенную жизнь; если стремишься к государственным и политическим постам и почестям, придется постоянно бывать на людях, исполнять все общественные обязанности и долги, дабы обрести необходимый опыт, поддерживать дружеские отношения со всеми окружающими и практически вообще никогда не отдыхать. Если хочешь быть богат, будь мелочен; хочешь популярности – будь умеренно расточителен; хочешь быть философом – презирай богатство. Если хочешь быть известен, как Епаминонд², прими за правило и его бедность, которая только добавляла блеска его личности и зависти окружающих – его судьбе; добродетель его без бедности не была бы столь совершенной. Если жаждешь славы мученика – будь готов выдержать преследования, полагающиеся таковому; желаешь славы благодетеля мира – будь готов к неблагодарности и несправедливости этого мира; жаждешь истинного величия – будь готов к тому, что толпа может предпочесть и наверняка предпочтет тебе гораздо менее значимую личность.

Господь полагает одним из элементов Своей Славы то, что Он извлекает благо из зла; а потому нам следует полагать разумным и справедливым то, как Он управляет по Своему усмотрению Своим миром, и терпеливо и бестрепетно ожидать всего того, что суждено нам пережить на нашем веку, ибо пути Господни неисповедимы.

Уравновешенность масона ни в коем случае не должна превращаться в простую самоуверенность глупца, который совершенно счастлив тем, что все в порядке у него самого, и совершенно безразличен к горестям окружающих. В мире всегда будут несправедливость, которую следует простить, страдания, которые следует облегчить, горе, которому следует посочувствовать, нужды и потери, которые следует восполнить, и всегда есть место милосердию и творению блага. А тот, кто совершенно безразличен ко всему этому, и даже, может быть, от этого еще больше наслаждается своими спокойствием и процветанием, которые так не похожи на ужасающую нищету, голод и дикое неравноправие, от которых

² Фиванский полководец (418 – 362 гг. до н. э.), великий тактик, известный своими доблестью и честностью. Жил в бедности. Плутарх пишет в биографии Фабия: «В Фивах Епаминонд умер в такой нищете, что его погребли за счет города; все, что нашли в его доме, это одну железную монету». – Р. Х.

страдают другие люди, не уравновешен, а просто самовлюблен и равнодушен.

Грустнее всего на земле вид человека ленивого и процветающего, или грубого и безжалостного, к которому впустую вопиет нужда и с которым страдание говорит на неизвестном ему языке. Человек, которого голод толкает на насилие и преступление, и вполнину так не грешен, как такой человек. Бесчестным распорядителем, растратчиком видится нам тот, кто впустую разбрасывает все то, что Господь даровал ему для вспомоществования окружающим его сырым и убогим собратям. Истинный масон должен быть и имеет право быть удовлетворен сам собой; но в действительности может он таковым быть только в том случае, если живет не только ради и во имя себя самого, но также ради и во имя других, тех, кто нуждается в его помощи и взывает к его милосердию.

Вот отличные слова: «Милосердие есть великий путеводный канал, по которому Бог передает человечеству Свои милости. Ибо наши грехи отпускаются той же мерой, какой мы способны прощать ближнего своего. Это правило наших надежд и мерило наших устремлений в этом мире; и в день Страшного суда великое суждение обо всем роде человеческом будет вынесено в соответствии с нашими дарами, которые суть обратная сторона милосердия. Бог есть Любовь; и любое проявление милосердия в нас является нашим соучастием в проявлении Божественной Природы».

Масонство же всегда претворяет свои принципы в жизнь. Оно ожидает, что этими принципами ты будешь руководствоваться впредь. Особенно же оно налагает обязанность следовать этим принципам на тех, кто использует чужой труд, запрещая ему увольнять работников, если он знает, что для них это означает голодную смерть, или нанимать их на работу за столь низкую плату, что вместе со своим временем и трудом им приходилось бы отдавать работодателю также и кровь, и саму жизнь свою каплю за каплей.

Эти градусы учат также большему, чем просто нравственность. Символы и церемонии масонства обладают более чем одним значением. Они скорее скрывают, чем раскрывают Истину. В лучшем случае, они лишь намекают на ее присутствие где - то рядом, и их разнообразные потаенные значения постигаются лишь в ходе трудов и раздумий. Истину символизирует не только Свет как таковой, но как свет распадается на лучи спектра, так и Истина распадается на значения и смыслы. Масонство способно и стремится обучить всем истинам: не только нравственной истине, но также истине политической и философской, даже религиозной истине, в общих и наиболее принципиальных аспектах каждой их них.

Символом был и сфинкс. Кому он открыл свое потаенное значение во всей полноте? Кому ведомо символическое значение пирамид?

Впоследствии ты узнаешь, кто является величайшими врагами свободы человека, воплощенными в убийцах Мастера Хирама; и в их последующей судьбе увидишь предзнаменование того, что, как мы искренне надеемся, вскоре покарает врагов человечества, против которых так давно борется масонство.